

Глава первая

Забитый за старым шкафом. Новое знакомство

Стёпа проснулся. Кто-то пихнул его в бок царапучей лапкой.

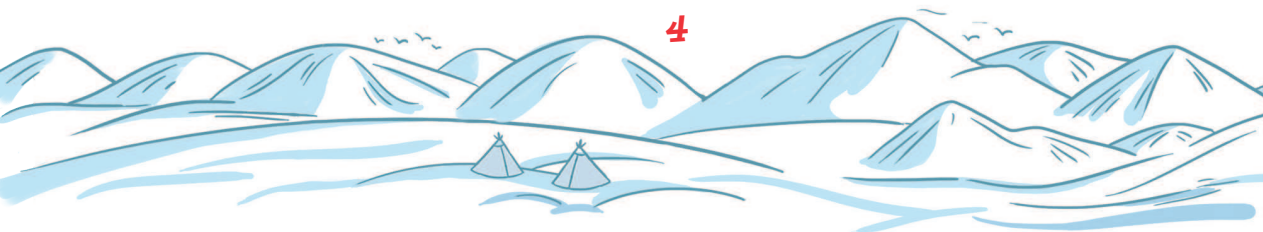
— Кто здесь? — Стёпа испуганно потянул на себя одеяло.

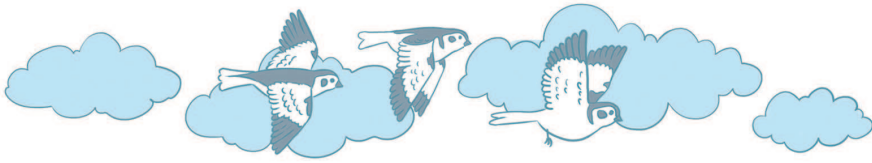
— А-а-а! — раздался крик. — Караул! Привидение, домовой, леший, одеяло крадут!

— Я не леший и не привидение, — пробормотал Стёпа. — Я плюшевый лис Стёпа, и это моё одеяло! А вы кто?

В темноте раздалось кряхтение, чирканье спички, и Стёпа увидел сонную мордочку евражки — северного суслика.

— Я чукотская евражка! — сердито шмыгнула она носом. — И это моё одеяло! Я всю зиму им укрываюсь. — Евражка почесала макушку и ворчливо продолжила: — Думала, поселюсь в квартире, буду жить, как человек, — в тепле и уюте. Так нет! Эти квартиры холоднее наших тундровых норок! В норку травки, мха натаскал, утеплил —

и спи себе. Снег припорошит — вообще красота, и отопления не надо. Бывало, в тапочках на босу лапу сидим в норке и в домино играем или в шашки. А знаешь, — евражка оживилась, — я однажды трёх зайцев обыграла в шашки! Равных мне не было в тот год, а потом...

Лис Стёпа внимательно слушал, он был хорошо воспитан. Хотя ему очень хотелось узнать — почему квартира стала холодной; как случилось, что евражка перебралась сюда; где его, Стёпины, друзья, все остальные игрушки? И самое главное, где хозяйка — девочка Оля?

— Ты меня не слушаешь! — возмутилась евражка.

— Извините, — смутился Стёпа, — я задумался.

— О чём? — живо заинтересовалась евражка, ведь известно, что евражки, как и все суслики, очень любопытны.

— О моих друзьях — других игрушках, где они? И где хозяева?

Евражка удивлённо смотрела на Стёпу:

— Так ты ничего не знаешь?

— А что я должен знать? — ещё больше смутился Стёпа.

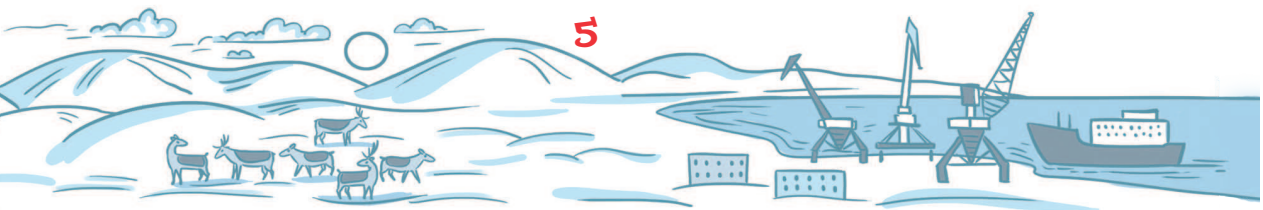
— Во дела! — Евражка хлопнула себя по коленкам. — Так они давно уехали!

— Куда?!

— Туда, где тепло! Нелегко людям жить на Севере, они уезжают, многие дома пустуют, особенно в старых районах. Вот мы, дикие звери, и селимся в них потихоньку.

Стёпа поражённо молчал.

— Я вот, например, в октябре сюда перебралась, — продолжала евражка. — Первый снег выпал, я и решила

норку на квартиру сменить. Думала, отопление будет, вода горячая, вода холодная. Ан нет! Как дом опустел, так всё и отключили. — Она вздохнула. — Весной уйду опять в тундру! А ты-то как тут оказался?

— Я здесь всю жизнь жил, — медленно проговорил Стёпа. — Меня подарили на день рождения Оле давным-давно, когда она была совсем маленькой.

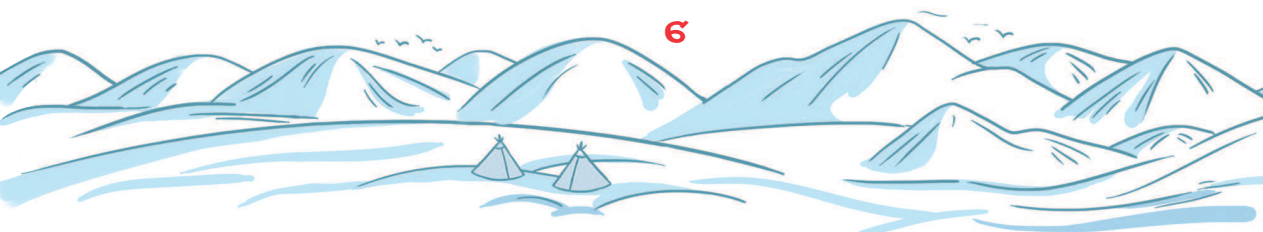
— Кто такая Оля? — подозрительно спросила евражка и понюхала воздух вокруг.

— Оля — это девочка, моя хозяйка. — Стёпина мордочка просветлела. — Ей восемь лет, она ходит в школу. Олина мама пекла нам творожное печенье, Олин папа мастерил скамейки и табуретки. Неужели все уехали? — Пушистый хвостик Стёпы задрожал. — А как же я?

Евражка пожевала губами.

— Да, дела. Тебя забыли. За этим шкафом!

Стёпа огляделся. Самый дальний пыльный угол, его любимое место. Шкаф стоит в полуметре от стены, получилась узкая маленькая комнатка. Стёпа часто сюда навывался — думать и фантазировать.

— Шкаф старый, — сказала евражка, — его не стали брать, а тебя, скорее всего, сочли потерянным.

Стёпа задумался. Был вечер, он читал «Занимательную географию» и, увлѣкшись, побрѣл в своё любимое место — размышлять. И, по всей видимости, заснул. Сколько же он проспал?

— Какой сейчас месяц? — спросил он евражку.

— Месяц? — Евражка поскребла за ухом. — Так март уже!

Март! Стёпа ужаснулся. Как долго он спал! Ведь тогда стоял август — Оле как раз купили эту самую географию вместе с учебниками.

Теперь понятно: его, Стёпу, просто потеряли. И уехали. Без него.

— Ладно, погоди расстраиваться! — протянула евражка. — Давай чаю выпьем. Меня Ева зовут, кстати.

— Какое интересное имя! — удивился Стёпа, который был очень начитан. — Из Библии!

— Не знаю, из какой *Бильбии*, — махнула лапой евражка, — я книг не читаю, всё газеты да журналы. А тебя как зовут?

— Стёпа! — спохватился Стёпа и протянул свою пушистую лапу.

Глава вторая

Обход жилища. Предсказание

Пока Ева кипятила воду на игрушечной плите и разогревала откуда-то взявшиеся пирожки, Стёпа осторожно вышел из-за шкафа.

Пустота. Голая комната. Ни дивана, ни письменного стола, ни телевизора. Ни-че-го.

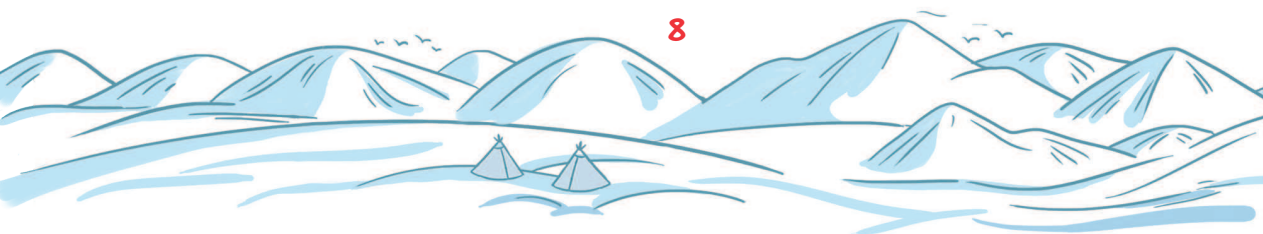
«Как жутко, — подумал Стёпа, — будто и не было прежней жизни, будто бы мне всё приснилось. Или я до сих пор сплю?» — и он ущипнул себя за лапу.

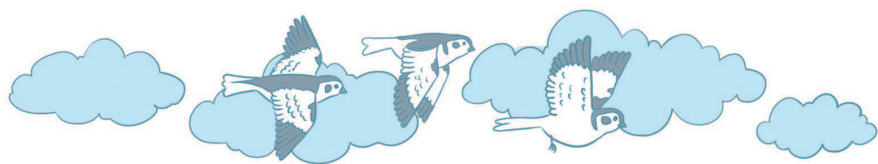
Нет, он не спит, и это не сон. Стёпа медленно двинулся на кухню.

Там остался только колченогий стол.

Стёпа огляделся: всё те же стены, сине-белые.

Было очень интересно смотреть, как Олины папа и мама их красили. Сначала они прошлись синим цветом. А потом катали по стенам тряпку, которую обмакнули в белую краску. Получились необычные разводы: разные-разные, ни один не повторился! Стёпа тогда сидел с Олей на табуретке и восхищался — как же красиво получилось.

Он задрал голову. Вот бы залезть на подоконник и глянуть на улицу. Но как? Хотя вот стол... Высокий, конечно, но забраться можно.

Стёпа подошёл к ножке стола, обхватил её лапами, подтянулся и — оп-па! — полез, как по канату.

Забрался на стол, подошёл к подоконнику, прыг! — и тут же оказался на нём.

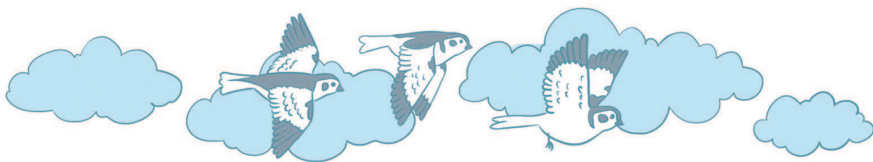
Окно. Без штор и цветов оно казалось огромным. Стёпа и раньше тут бывал: Оля любила читать на подоконнике, а Стёпу сажала рядом. Он хорошо изучил двор: игровую площадку с горкой и качелями, гаражи, лохматого пса Хоттабыча, что вечно лежал у соседнего дома и приветственно махал Стёпе хвостом.

Сейчас вроде было всё то же самое: и двор, и площадка, и качели.

Только теперь так безлюдно!

И Хоттабыча не видно.

«Жили — не тужили. И вот — нá тебе! — подумал Стёпа. — Где теперь всех искать?»

Он ещё посидел в задумчивости, потом встал, огорчённо махнул лапой, лихо съехал вниз и зашагал в прихожую.

Тут раньше стояла обувь, и так здорово было забираться в валенок или сапог, когда играешь в прятки.

А слева высилась вешалка с одеждой: длинными пальто Олиной мамы, шубейками Оли и тёплым рабочим тулупом Олиного папы.

Сейчас нет ничего.

Стёпа поёжился и обернулся: белая дверь. Кладовка. Раньше её держали закрытой, а сейчас щеколда сломана.

Войти — не войти? А вдруг там, внутри, что-то страшное?

Потоптавшись немного, Стёпа набрался смелости, осторожно потянул на себя дверь и вошёл.

Узко, тесно. На полу валяются обрывки бумажек, верёвок и скотча. По стенам — пустые полки. Когда-то тут хранили банки с вареньями-соленьями и старые вещи.

В углу Стёпа увидел маленький холмик.

Подошёл, наклонился — ба! Да это же Олин детский шарфик — разноцветный, полосатый, с помпонами. И рядом — синяя пуговица от Олиной куртки.

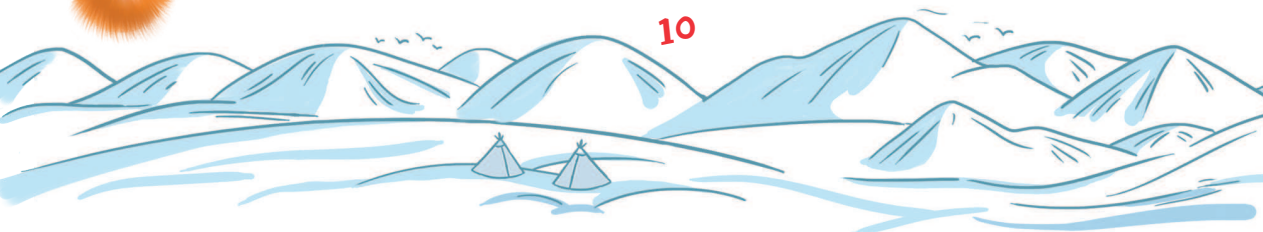
Вот так находка!

Стёпа поднял шарфик, зарылся в него носом.

— Немножко пахнет Олей, — улыбнулся он. — И пылью.

— Уху! — раздалось откуда-то сверху.

Стёпа вздрогнул и выронил шарф:

— Кто здесь? — громко прошептал он.

— Я-а-а-а. — и долгим эхом звучало «а-а-а-а». — Судьба-а-а-а.

Стёпа задрожал, но тут же взял себя в руки и прерывающимся голосом спросил:

— Что мне делать, судьба? Куда идти?

Наверху пошуршали, крякнули, угукнули, чихнули.

— В тундру, там друг тебя ждёт, и люди, ищущие камни.

— «Время собирать камни, и время разбрасывать», — пробормотал Стёпа. — А что за люди?

— Они помогут тебе!

— А я найду Олю?

— Если будешь видеть знаки. Если жить будешь по зову сердца. Если будешь отзывчив к чужому горю. Если будешь смелым и упорным, тогда...

— Стё-ё-ёпа! — раздалось снаружи. — Ты где-е? Чай вскипел!

Стёпа схватил шарф, пуговицу и опрометью бросился к двери.

Глава третья

Чаепитие с друзьями. Твёрдое решение

Выскочив из кладовки, Стёпа нос к носу столкнулся с Евой.

— Ну ты даёшь! — Она покачала головой. — Зову, кричу, брожу по всей квартире. Ты где ходишь?

— Бежим! — крикнул Стёпа и схватил Еву за лапу.

И они помчались в комнату, за шкаф.

Добежав, повалились на одеяло — отдышаться.

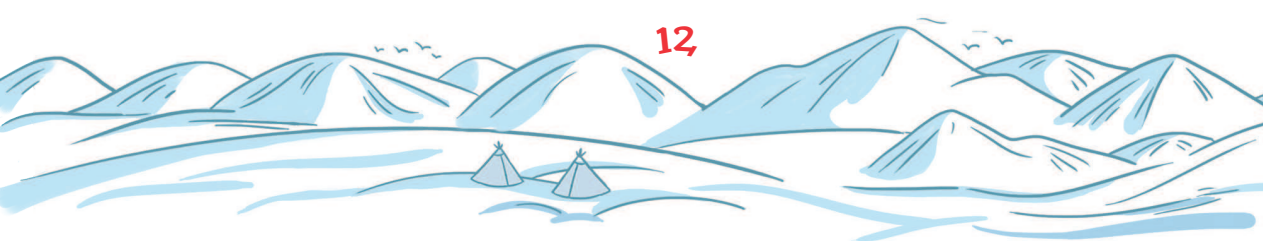
Краем глаза Стёпа заметил кукольный деревянный столик, на нём — чашки и тарелка, накрытая полотняной салфеткой.

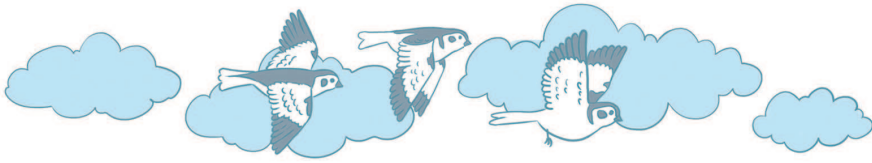
— Ты чего? — прерывисто выдохнула Ева. — Помчался, словно и не лис, а прям самый настоящий заяц!

— Я слышал, — так же прерывисто ответил Стёпа, — как кто-то говорит в кладовке, да ещё так складно! Будущее предсказывает!

— В кладовке? Говорит? — переспросила Ева и расплылась в улыбке. — И ухает ещё в такт?

— Да! — Стёпа удивлённо уставился на неё.

— Да это Кэтху! — рассмеялась Ева. — Полярная сова. Она, понимаешь, решила уйти от хищной жизни и жить предсказаниями. Вот в кладовке-то и открыла кабинет. — Ева поднялась и принялась разливать по кружкам чай из маленького синего чайничка. — Хотела будущее предсказывать, следующие жизни, природные катастрофы, в общем, всякое глобальное! Но разве это у зверей на уме? Вот и ходят к ней с пустяками: как выйти замуж? Где взять корм, если заморозки ранние? Когда рыба к берегу пойдёт — чтоб ловить было удобнее? Так, по мелочи, может, и дойдёт до больших заказов. Хотя меня лично житейское волнует больше. Я зверь практичный. Да мы сейчас ей позвоним, пригласим на чай! — и Ева сняла салфетку с тарелки. Там дымились ароматные пирожки.

— Что сделаем? — не понял Стёпа. — Позвоним? Как?

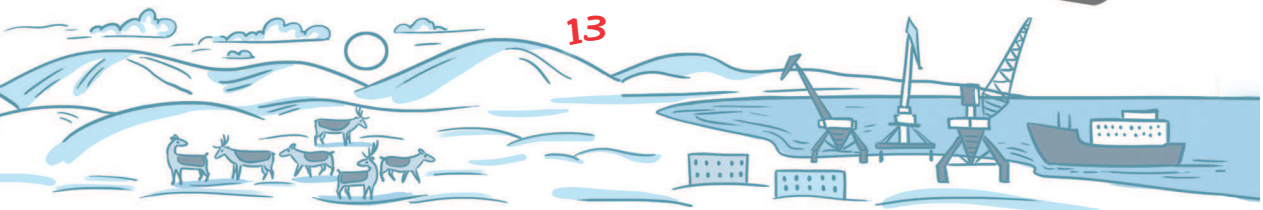
— А вот! — Ева вытащила из-под одеяла рацию.

— Откуда это? — удивился Стёпа.

— Геологи в тундре обронили сумку с рациями, а Кэтху нашла и принесла сюда. Теперь мы с ней переговариваемся: она из кладовки, а я — из-за шкафа. То я её в гости позову, то она меня. Веселее всё-таки. Шкаф вызывает Кладовку! Шкаф вызывает Кладовку! — громко отчеканила Ева в рацию. — Приём! Приём!

Пока Ева разговаривала с Кэтху, Стёпа встал и осмотрел Евину каморку в Зашкафье.

С утра было темно, он мало успел увидеть, а сейчас обнаружил столько

интересного! Кроме одеяла, на котором спали, и деревянного столика со стульями, здесь была кукольная мебель: маленький шкафчик, плита, две тумбочки, кресло-качалка. Светильник в виде бутылки, велосипед со спущенными шинами, несколько холщовых мешков с разными надписями: «Гриби сушоные», «Морошка-заморошка», «Гречнивая крупа (дефектыт)», «Шикша костлявая», «Рыба вялена».

Стёпа начал считать ошибки, потом махнул лапой — не учитель же он, в конце концов.

— Ну вот, — Ева жестом пригласила Стёпу за стол. — Давай начнём, а Кэтху с минуты на минуту подлетит.

Пирожки были румяные, горячие, а чай благоухал северным можжевельником.

— Бери, они с грибами. — Ева пододвигала ему пирожки. — Тебе подкрепиться надо!

— Спасибо! — улыбнулся Стёпа. — Только я же игрушечный, я не ем.

— Ешь, я сказала! Игрушечный ты или нет, мне всё равно, — и Ева возмущённо махнула хвостиком.

Стёпа ничего не оставалось, как надкусить пирожок. Оказывается, это так вкусно — есть! И он с удовольствием умял аж три штуки.

— А откуда у тебя столько вещей? — спросил он.

— Да так, — пожала плечами Ева, — по пустым, брошенным квартирам походишь — ещё и не то найдёшь! Или вот на помойке тоже много хорошего можно сыскать! Сейчас ведь как — чуть что сломалось, готовы выкинуть. Чинить лень. Так я себе и насобирила на *интрьерер*.

— Интерьер! — машинально поправил Стёпа и собрался было подлить себе чая, как вдруг у входа в Зашкафье что-то хлопало-заухало-зафырчало.

— О! Кэтху! — обрадовалась Ева. — Входи! Только входи, а не влтай! А то опять чашки побьёшь!

— Чашек, что ли, жалко? — пробубнил в ответ голос, и из-за шкафа появилась полярная сова.

Огромная, белая, с мелкими тёмными отметинками на крыльях, она степенно вытерла лапы у входа, кашлянула и, сверкнув жёлтыми глазами, направилась к столу.

— Садись-садись, подруга! — Ева подвинула ей стул, налила чаю. — Знакомься, это Лис Стёпа! Ты, кстати, ему уже успела будущее предсказать, — и Ева покатила со смеху.

Кэтху пожала плечами, видимо, она привыкла к взрывам смешливости у своей соседки. Потом протянула Стёпе белоснежное крыло и проухала своим колдовским голосом:

— Будем знакомы, очень рада, очень приятно.

— И мне, — улыбнулся Стёпа и аккуратно пожал двумя лапами протянутое крыло.

Оно показалось ему невесомым. И как такие лёгкие крылья держат такую огромную птицу?

— Ну, рассказывай! Приходят к тебе наши, тундровые? — спросила Ева.

— Приходить-то приходят, — Кэтху повертела глазами. — Да все с пустяками. Никто судьбой и звёздами не интересуется, всё больше простыми делами. Ещё, знаешь, стали на душевные раны жаловаться.

— На что? — удивилась Ева.

